

VII. В год от воплощения Господня 1095-й (по нашему счислению, где с января пачищается повый год, это происходило уже в 1096 г.), четвертого индикта, в 43-й год королевства и 13-й империи Генриха IV, как короля, и третьего, как императора римлян и Августа, при Папе Урбане II прежде же звали его Одо (Odardus) – в восьмой день марта, Вальтер (Walterus, откуда нов. франц. форма Gauthier) по прозванию *Неимуций* (Senzevehir, то есть Sans avoir), знаменитый рыцарь, сопровождаемый великим числом пеших франков из Галлии (Francigenae, то есть французов) и имея с собой всего восемь рыцарей, вступил, по убеждениям Петра Пустынника, в Венгрию и направил свой путь к Иерусалиму. Государь Каломан, христианнейший король венгров, узнав о его мужественных предприятиях и их цели, встретил его благосклонно и дал ему позволение пройти в мире по землям своего государства и право делать закупы. Так он и прошел, не встретив никакой вражды или неприятности, до самой Белегравы (Belegrava, ныне Белград), горо-

да болгар, миновав Малевиллу (Malevilla, ныне Землин), местечко, расположенное в пределах Венгрии. Там он на судах переехал весьма спокойно реку Мароз (Maroe, ныне Морава); но 16 человек из его дружины, без ведома самого Вальтера, остались еще в Малевилле для закупки оружия, между тем как он сам находился на другой стороне реки. Несколько беспутных венгров, видя, что Вальтер и его армия удалились, отняли у них оружие, одежды, золото и серебро и, обобрав таким образом, отпустили нагишом. Приведенные в отчаяние и лишившись оружия и имущества, они ускорили шаги и явились в Белград, где Вальтер и его войско раскинули палатки вне стен для отдыха; там они рассказали в подробностях все непутанное ими бедствие. Вальтер перенес это известие, потому что не имел охоты возвращаться для мести. В ту же ночь, когда присоединились к нему его ограбленные спутники, он просил у князя болгар и у городского магистрата позволения купить у них для себя и для своего войска съестных припасов; но те, приняв их за бродяг и мо-

---

гельм Тирский был свидетелем уже падения королевства Иерусалимского; это зрелище, высокое общественное положение автора, просветили его относительно причин несчастья франков; он смотрел и судил их историю в ее целостности и потому рассказывал о первых подвигах франков под влиянием своей опытности. Напротив того, Альберт рисует события Первого крестового похода как человек, который не знает и не предвидит никакой превратности, отдавшись вполне впечатлениям восторга, доверия и радости. Потому его рассказ наивнее и даже оживленнее; в нем отразились идеи и воодушевление самих крестоносцев, сохранился весь их пыл. Нет никаких стремлений к обобщению, никакого следа ученых исследований и литературных сочетаний; автор разделяет вполне предрассудки, ненависть, невежество крестоносцев и стремится превознести их славу, их век и их веру. Это обстоятельство сообщает труду Альберта высокий интерес и особенную прелесть; но он богат историческими и географическими ошибками и не отличается литературными достоинствами. Зато рассказ живой и обстоятельный; описания походов, битв, приключений блестящи и поэтичны; автор живописует не всегда с талантом, но с чрезвычайной любовью к истине. Читая его, можно подумать, что слышишь беседу возвратившихся пилигримов, рассказывающих своим друзьям о том, что они видели, выстрадали, и сообщающих без всякого умысла своим слушателям те впечатления, которые они испытали и которые им приятно вызывать снова в самих себе» (Collect. des memoires rel. à l'hist. de France, t. XX).

«Иерусалимская хроника о священной войне» состоит из XII книг и охватывает собой время от начала проповеди Петра Пустынника, 1095 г., и до второго года правления третьего Иерусалимского короля Балдуина II Буржского, 1121 г. Издания: у *Bongars. Gesta Dei*, I, p. 184–381. Переводы: *Guizot. Collect.*, t. XX и начало XXI (Par., 1824). Критика: v. *Sybel. Gesch. des ersten Kreuzzuges*, с. 72–107.